

МЕДАЛИ И РАКОВИНЫ: ЕЩЕ РАЗ О МОРФОЛОГИИ И ИСТОРИИ

Карло Гинзбург

Высшая нормальная школа
7 пл. Кавальери, Пиза, Италия
carlo.ginzburg@sns.it

Аннотация: 3 сентября 2018 г. в Европейском университете в Санкт-Петербурге прошла церемония присвоения звания «Почетный доктор ЕУСПб» выдающемуся ученому-гуманитарию профессору Карло Гинзбургу. Журнал «Антропологический форум» публикует текст выступления ректора ЕУСПб на церемонии, а также, с любезного разрешения профессора Гинзбурга, русский перевод его лекции “Medals and Shells: On Morphology and History, Once Again”, прочитанной в тот же день.

Ключевые слова: Карло Гинзбург, Европейский университет в Санкт-Петербурге, морфология как инструмент истории, естественная и социальная история, антикварианизм.

Для ссылок: Гинзбург К. Медали и раковины: еще раз о морфологии и истории (Лекция Карло Гинзбурга, прочитанная в Европейском университете в Санкт-Петербурге по случаю присвоения ему звания «Почетный доктор ЕУСПб») // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 11–30.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-39-11-30

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/039/ginzburg.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2018, NO. 39

MEDALS AND SHELLS: ON MORPHOLOGY AND HISTORY, ONCE AGAIN

Carlo Ginzburg

Scuola Normale Superiore
7 Piazza dei Cavalieri, Pisa, Italia
carlo.ginzburg@sns.it

Abstract: On September 3, 2018, the European University at St Petersburg hosted the ceremony of awarding the title of “Honorary Doctor of EUSP” to Professor Carlo Ginzburg, known worldwide for his work in the humanities. The journal *Forum for Anthropology and Culture* publishes the welcoming speech by the EUSP Rector, as well as, with the kind permission of Professor Ginzburg, the Russian translation of his lecture “Medals and Shells: On Morphology and History, Once Again” given on the same day.

Keywords: Carlo Ginzburg, European University at St Petersburg, morphology as a tool for history, natural and civil histories, antiquarianism.

To cite: Ginzburg C., ‘Medali i rakoviny: eshche raz o morfologii i istorii’ [Medals and Shells: On Morphology and History, Once Again] (Lecture Given by Carlo Ginzburg on the Occasion of the Award of a Honorary Doctorate of the European University at St Petersburg), *Antropologicheskij forum*, 2018, no. 39, pp. 11–30.

doi: 10.31250/1815-8870-2018-14-39-11-30

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/039/ginzburg.pdf>

© Информационная группа Европейского университета в Санкт-Петербурге

ОТ РЕДАКЦИИ

3 сентября 2018 г. в Европейском университете в Санкт-Петербурге прошла церемония присвоения звания «Почетный доктор ЕУСПб» выдающемуся ученому-гуманитарию профессору Карло Гинзбургу. Мы публикуем текст выступления ректора ЕУСПб на церемонии, а также, с любезного разрешения профессора Гинзбурга, русский перевод его лекции, прочитанной в тот же день.

ВЫСТУПЛЕНИЕ РЕКТОРА ЕУСПБ

Карло Гинзбург — выдающийся ученый-гуманитарий, известный во всем мире и всем, кто интересуется историей. Однако это не объясняет, почему мы приняли решение предложить ему титул Почетного доктора Европейского университета в Санкт-Петербурге. Объяснение — в идеях духовного родства и вдохновения.

Более всего мы ценим в нем смелость первопроходца, прокладывающего пути, а не идущего по уже проложенным. С первых шагов своей карьеры профессор Гинзбург славился даром находить неожиданные свидетельства, извлекать надежные сведения из весьма ненадежных источников. Мы все помним его анализ народных верований и суеверий, его способность заставить говорить протоколы допросов инквизиции.

Однако находить новые факты ему казалось мало. Он стремился применять к истории новые методы, созданные в смежных науках — в антропологии, философии, структурной лингвистике. Он не только осветил «темную сторону» европейской культуры, но и сумел реконструировать глубинные структуры, лежащие в основе европейской цивилизации. Сложные отношения между историей культуры и морфологией культуры — загадка и вызов для любого историка. Гинзбург снова и снова принимает этот вызов, черпая силы, как новый Антей, в прикосновении к земным или даже приземленным источникам.

Его критиков часто раздражает его нежелание принять очевидные выводы, покоящиеся на общепризнанных моделях, таких как юнговские архетипы, марксистская классовая борьба или влияние высокой культуры на низкую. Гинзбург ищет своего «Бога в деталях». Он цитирует это выражение (приписываемое Аби Варбургу, еще одному Антею истории культуры) как одно из оснований микроистории — нового и очень влиятельного направления, которое он развил в своих работах.

Смена оптики по мере движения от жизни мельника к общим структурам нашей цивилизации позволяет ему не только отгадывать множество загадок, но и формулировать новые. От прикосновения профессора Гинзбурга несущественное с виду превращается в ключи к центральным проблемам нашего понимания мира — и с исторической, и с морфологической точек зрения.

В своей последней книге профессор Гинзбург исследовал чувство благоговения или трепета (по-итальянски *reverenza*), чувство, соединяющее страх и почтение. Он показал, как государство, воплощенное в образе Левиафана, держит в трепете людей, создавших его. Я убежден, что сам Гинзбург никогда не трепетал ни перед властью государства, ни перед властью общественного мнения, ни перед силой общепринятого. Он всегда отстаивал мнение, в истинность которого верил сам. Такая позиция заслуживает глубочайшего уважения — и благоговения.

Есть и другая причина нашей благодарности Вам, профессор Гинзбург, за то, что Вы согласились стать членом нашего сообщества. Вы вдохновляете нас, Ваша работа питает дух Европейского университета в Санкт-Петербурге. Этот дух — диалог между разными дисциплинами, отказ принимать общепринятое на веру, попытка усилием мысли пойти дальше того, что молчаливо признается большинством за истину.

Повторю еще раз: для нас большая честь, что Вы согласились стать членом университетского сообщества. Позвольте вручить Вам нашу хрустальную улитку. Улитка — это символ неспешного и вдумчивого хода мыслей, необратимых изменений, интеллектуальной культуры, отличающейся от культуры «твиттера» и «чата». Мы вручаем ее как символический дар самым дорогим членам сообщества и самым близким друзьям нашего университета.

Вадим Волков

Карло Гинзбург

Медали и раковины: еще раз о морфологии и истории

1. В течение многих десятков лет я размышлял о соотношении морфологии и истории, и лишь недавно мне открылась неточность моего подхода к этому вопросу. Я начал размышлять в другом направлении, о чем сегодня и хотел бы вам рассказать.

Но прежде потребуется небольшое введение, чтобы объяснить, откуда взялась моя одержимость морфологией. Событие, определившее мой путь как историка, произошло в 1963 г. в Государственном венецианском архиве (я рассказывал эту историю много раз, и каждый раз в новом освещении). Я искал документы по судебным колдовским процессам в безбрежном Архиве Инквизиции, который хранится *ai Frari*, в бывшем францисканском монастыре, где ныне находится Венецианский архив. Неожиданно и совершенно случайно я наткнулся на запись, датированную 1591 г., содержащую ответы молодого пастуха по имени Меникино из Латизаны на вопросы допрашивавшего его инквизитора. «Ты *бенанданте*?» — спросил инквизитор (этого слова я прежде никогда не встречал). Меникино вначале отвечал уклончиво, но потом объяснил, что, поскольку он родился в рубашке (т.е. в амниотической пелене), его дух вынужден вместе с другими *бенанданти* три раза в год вести сражения на полях Иосафата с ведьмами и колдунами ради плодородия полей. *Бенанданти* сражаются ветками фенхеля, ведьмы — стеблями сорго. «Битвы наших духов с их духами, — пояснил Меникино, видимо, слегка опешившему инквизитору, — это не мой свободный выбор». Несколько лет назад другой *бенанданте* по имени Джамбаттиста Тамбурино сказал ему: «Когда тебе настанет время прийти, ты придешь». Меникино тогда ответил: «Ты не сможешь меня заставить», на что его друг повторил: «Ты все равно придешь». «И через год после этого разговора, — продолжал Меникино, — мне приснилось, что я на полях Иосафата».

Прочитав эти строки, я сразу подумал о сибирских шаманах и их экстатических сеансах. Я объяснил в другом месте, почему мне пришла в голову эта аналогия¹. Исповедь Меникино стала

¹ Ginzburg C., 'Witches and Shamans', *New Left Review*, 1993, July-August, vol. 200, pp. 75–85; Ginzburg C., 'Travelling in Spirit: From Friuli to Siberia', Balzer M. M., Bremmer J., Ginzburg C., *Horizons of Shamanism: A Triangular Approach to the History and Anthropology of Ecstatic Techniques*, ed. by P. Jackson. Stockholm: Stockholm University Press, 2016, pp. 35–51. [Редакция «Антропологического форума»]

искрой, из которой разгорелась моя первая книга “I benandanti”, опубликованная в 1966 г. и переведенная на английский под названием «Ночные битвы: колдовство и сельскохозяйственные культы в XVI и XVII веках». Эта книга — о нескольких процессах инквизиции, происходивших во Фриули, на северо-востоке Италии. В предисловии к книге я писал:

Я не касаюсь здесь вопроса о несомненно существующей связи между бенанданти и шаманами¹.

«Несомненно существующей» — это был выстрел в темноту, поскольку у меня в то время были только морфологические доказательства. Свое решение не касаться этой связи я оправдывал, обращаясь к различию между двумя типами сравнения, сформулированному Марком Блоком в его шедевре “Les rois thaumaturges” (в русском переводе «Короли-чудотворцы»)². Одно дело — историческое сравнение, другое — этнологическое сравнение. Последнее, по мнению Блока, прекрасно иллюстрируется книгой Джеймса Фрэзера «Золотая ветвь». Следуя за Блоком, в «Ночных битвах» я сосредоточился на первом.

2. Но эта загадка, подаренная мне *бенанданти*, продолжала жить во мне, дразнила меня. Через десять лет я полностью погрузился в новый проект, из которого в итоге выросла книга “Storia notturna” («Ночная история», 1989), вышедшая по-английски под названием “Ecstasies: Deciphering the Witches’ Sabbath”. Несколько лет я бродил впотьмах, собирая разрозненные примеры из разных мест и времен, не понимая, чем я занимаюсь и на какой вопрос ищу ответ. Но потом, когда я прочитал одно место из Людвиг Витгенштейна, из его «Заметок к “Золотой ветви” Фрэзера» (1931), на меня снизошло озарение. Цитирую:

Исторические объяснения, объяснения как гипотеза развития — это лишь один способ собирать данные: их синопсис. Можно ведь увидеть в данных их взаимные связи и сложить их в общий образ, который может и не иметь формы хронологического развития³.

сочла возможным отойти от правил оформления публикаций, принятых в журнале, и сохранить систему ссылок профессора Гинзбурга. — Прим. ред.]

¹ Ginzburg C., *The Night Battles: Witchcraft and Agrarian Cults in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*, transl. by J. and A. Tedeschi, intr. by E. J. Hobsbawm. London: Routledge; Kegan Paul, 1983, p. XXI (по-английски *must exist* ‘должно существовать’; здесь я воспроизвожу итальянский оригинал: *connessione, indubitabile, esistente* — ‘связь, несомненно существующая’).

² Bloch M., *Les rois thaumaturges, étude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale, particulièrement en France et en Angleterre*. Strasbourg; Paris: Librairie Istra, 1924; Блок М., *Короли-чудотворцы: очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии*, пер. с фр. и коммент. В. А. Мильчиной. М.: Яз. рус. культуры, 1998. [Прим. ред.].

³ Wittgenstein L., ‘Remarks on Frazer’s *Golden Bough*’, transl. by J. Beversluis, Kluge J. C., Nordmann A. (eds.), *Philosophical Occasions, 1912–1951*. Indianapolis: Hackett, 1993, p. 131.

Здесь Фрэзер вновь отвергается, но не с точки зрения истории (как у Блока), а с точки зрения морфологии, выстроенной «тайным законом», как писал Витгенштейн, цитируя строку из гётевской элегии «Метаморфоз растений»¹. Как мольеровский мсье Журден, я занимался морфологией, не сознавая этого, ведомый двумя книгами, которые были явным образом вдохновлены морфологией Гёте: книгой Владимира Проппа «Морфология сказки» (1928) и книгой Андре Йоллеса “Simple Forms” («Простые формы», 1930).

Я понял, что аналогию между *бенанданти* и шаманами, так поразившую меня, нельзя объяснить в исторических терминах. Эта аналогия ставила вопросы, недопустимые с точки зрения исторической науки. Но поиски «промежуточных связей», которые подчеркивал Витгенштейн, могли, как мне казалось, использоваться для восстановления, пусть предположительно, утраченных исторических связей. *Morphologia ancilla historiae* — морфология как вспомогательный исторический инструмент. В сноске к *Ecstasies* я постарался кратко сформулировать свой подход:

*Некоторые вопросы, поставленные Фрэзером, могут быть поставлены снова, и не обязательно принимать его ответы (мой Фрэзер читал Витгенштейна)*².

В очень благосклонной рецензии на мою книгу Венди Донайджер остроумно замечает:

*Подобно шаману, [Гинзбург] складывает кости сэра Джеймса Джорджа Фрэзера <...>, накрывает их кожей философа Людвига Витгенштейна и вновь оживляет его*³.

3. Я вспомнил эти слова, когда начал работать над послесловием к новому изданию “*Storia notturna*”, которую готовят к публикации в другом итальянском издательстве, “Adelphi”, в серии “Il ramo d’oro” («Золотая ветвь»). Возможность заново обдумать связи морфологии и истории — тему, вокруг которой горячо спорили критики моей книги, побудила меня перечитать спустя сорок лет несколько текстов, оказавших на меня сильное влияние на заре моей карьеры. Один из них — известная лекция, прочитанная в Нью-Йорке Эрнстом Кассирером и опубликованная после его смерти в 1945 г. под названием «Структура-

¹ Wittgenstein L., ‘Remarks on Frazer’s *Golden Bough*’, p. 133.

² Ginzburg C., *Ecstasies: Deciphering the Witches’ Sabbath*. Chicago: University of Chicago Press, 1991, p. 204, note 76.

³ Doniger W., ‘Sympathy for the Devil’, *New York Times Book Review*, 1991, 14 July, p. 3. Этот отрывок был избран эпиграфом к статье: Ermacora D., ‘Invariant Cultural Forms in Carlo Ginzburg’s “Ecstasies”: A Thirty-Year Retrospective’, *Historia Religionum*, 2017, no. 9, pp. 69–94.

лизм в современной лингвистике». В разделе «Морфологический идеализм» Кассирер подробно разбирает подходы Гёте и Кювье, по сути противопоставляя их:

*Кювье выступает за статический взгляд на органическую природу, Гёте — за генетический, или динамический подход*¹.

Я внезапно осознал, что прежде не уделял никакого внимания статической морфологии Кювье. Для меня Кювье был прежде всего искателем ключей, палеонтологом, который хвастал, что способен восстановить скелет животного по единственной косточке, как он писал, «с доказательствами, более надежными, чем все Задиговы следы»² (отсылка к «Задигу» Вольтера, знаменитому звену в долгой истории наблюдательности)³. Желание пересмотреть статическую морфологию Кювье стало еще сильнее, когда я наткнулся в книге Питера Стайнера «Морфология русского формализма» на место, в котором речь шла о «Морфологии сказки» Проппа. Несмотря на цитаты из Гёте, предпосланные каждой главе, модель Проппа, извлеченная из большого числа сказок и представленная как их общая модель, на самом деле, как пронизательно заметил Стайнер, ближе к статической морфологии Кювье⁴. Следуя по этому пути, я обнаружил, что похвалы, прямо высказанные Андре Йоллесом в предисловии к «Простым формам», основывались на усеченной цитате. Гёте противопоставил законченное, статическое понятие *гештальта* динамическому понятию *строительства*; Йоллес опустил это последнее⁵. Это двойное открытие породило ретроспективную рефлекссию моей собственной работы. Фриульский случай, который я разбирал в своей первой книге,

¹ Cassirer E. A., 'Structuralism in Modern Linguistics', *Word*, 1945, vol. 1, no. 2, pp. 99–120, esp. p. 106.

² Ginzburg C., 'Clues: Roots of an Evidential Paradigm', Ginzburg C., *Clues, Myths, and the Historical Method*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989, pp. 116–117.

³ Merton R. K., Barber E., *The Travels and Adventures of Serendipit: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004.

⁴ Steiner P., *Russian Formalism: A Metapoetics*. New York: Cornell University Press, 1984, pp. 90–96, esp. p. 96.

⁵ Jolles A., *Einfache Formen: Legende, Sage, Mythe, Rätsel, Spruch, Kasus, Memorabile, Märchen, Witz*. Halle: Max Niemeyer Verlag, 1930, S. 6 (Eng. ed.: Jolles A., *Simple Forms: Legend, Saga, Myth, Riddle, Saying, Case, Memorabile, Fairytale, Joke*, transl. by P. J. Schwartz, intr. by F. Jameson. London: Verso, 2017). В этом Йоллес следует за В. Троллем в его введении к изданным последним «Морфологическим запискам Гёте» (Wolfgang G. J. von, *Goethes Morphologischen Schriften*. Jena: E. Diederichs, 1926). О важности этого издания см.: Oppel H., *Morfologische Literaturwissenschaft: Goethes Ansicht und Methode*. Mainz; Rhein: Kirchheim, 1947, S. 13. На искажения в прочтении, допущенные Троллем, указывает (не упоминая Йоллеса) Е. Гелен (Geulen E., 'Nachlese: Simmels Goethe- Buch und Benjamins Wahlverwandschaften-Aufsatz', Maatsch J. (Hrsg.), *Morphologie und Moderne: Goethes 'anschauliche Denken' in den Geistes- und Kulturwissenschaften seit 1800*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2014, SS. 195–218, esp. S. 205, Fußnote 21). См. также: Wellbery D. E., 'Form und Idee: Skizze eines Begriffsfeldes um 1800', *Ibid.*, SS. 17–42, esp. S. 35, где воспроизводится запись Гёте, в которой перечислены и подвергнуты сомнению несколько понятий, включая *гештальт* и *строительство*.

можно назвать *динамическим*, поскольку он описывает, как *бенанданте*, побуждаемый извне (т.е. инквизитором), постепенно превращается из противника ведьм в ведьму. Но морфологические связи, которые я пытался реконструировать в «Экстазах», на самом деле статичны. Иными словами, я работал не просто с морфологиями, но с некоторым видом морфологии по Кювье, сам того не осознавая.

4. Историкам следовало бы стерилизовать свои инструменты, чтобы не допускать неконтролируемых последствий. Но чтение — очень сложный род занятий (и, по моему мнению, недостаточно отрефлексированный). Книга, статья, документ суть многослойные объекты; мы можем и не заметить, что некоторые их свойства на нас повлияли. Как только я осознал долгосрочное и непрямое влияние работы Кювье на мои собственные изыскания, передо мной открылось новое исследовательское поле. Я погрузился в богатейший труд Кювье. Я читал и перечитывал знаменитые “Discours préliminaire” («Предваряющие рассуждения»), помещенные в начале его “Recherches sur les ossements fossiles de quadrupèdes” («Исследование окаменелостей четвероногих»), где Кювье описывает свой научный подход:

Будто новая порода антиквара — собирателя древностей, я учился расшифровывать и восстанавливать эти памятники, то есть окаменевшие кости четвероногих животных, определять и вновь собирать в первоначальном порядке разрозненные и разрушенные фрагменты, из которых они состояли; реконструировать древние существа, которым принадлежали эти фрагменты; воспроизводить их в их пропорциях и свойствах; и наконец, сравнивать их с теми, что живут сегодня на поверхности земли. Это почти неведомое искусство. <...> Если [просвещенные люди] находят интерес в изучении младенчества нашего собственного вида, почти невидимых следов множества исчезнувших народов, они без сомнения найдут его и в собирании во мраке младенчества земли следов переворотов [revolutions], более древних, чем любой народ¹.

5. То, как Кювье называет себя: «новая порода антиквара — собирателя древностей», одновременно и верно, и неточно.

¹ Cuvier G., *Recherches sur les ossements fossiles des quadrupèdes, où l'on rétablit les caractères de plusieurs espèces d'animaux que les révolutions du globe paroissent avoir détruites*. Paris: Deterville, 1812, vol. 1, pp. 1–2; Cuvier G., *Discours sur la théorie de la terre, servant d'introduction aux recherches sur les ossements fossiles*. Paris; Amsterdam: Chez G. Dufour; E. D'Ocagne, 1821, p. 1; Cuvier G., *Discours sur les révolutions de la surface du globe, et sur les changemens qu'elles ont produits dans le règne animal*. Paris; Amsterdam: Chez G. Dufour; E. D'Ocagne, 1825, pp. 1–2. Английский перевод: Rudwick M. J. S., *Georges Cuvier, Fossil Bones, and Geological Catastrophes: New Translations and Interpretations of Primary Texts*. Chicago: University of Chicago Press, 1997, pp. 183, 185.

Кювье был глубоко оригинальным ученым, но его сравнение работы палеонтолога и трудов собирателя древностей далеко не ново. Упоминая *les antiquités de la nature* (древности природы), он повторяет *archives du monde* (архивы мира) Бюффона¹. Но задолго до них обоих Роберт Хук, натурфилософ и архитектор, в своих «Лекциях и рассуждениях о землетрясениях и подземных извержениях», прочитанных в Королевском обществе между 1664 и 1699 гг. и опубликованных после его смерти в 1705 г., настойчиво подчеркивал аналогию между окаменелостями и человеческими артефактами. Двух цитат будет вполне достаточно:

[Н]икакая монета не сможет так ясно сказать собирателю древностей, что здесь было то или иное место, где правил тот или иной князь, как эти [раковины] скажут собирателю древностей природных, что то или иное место прежде находилось под водой и что прежде случались те или иные перемены и изменения поверхностных частей земли <...> И они написаны более ясными знаками, чем иероглифы древних египтян, и на памятниках более долговечных, чем те, что высечены на пирамидах и обелисках².

Эти [раковины] — величайшие и долговечнейшие памятники древности, которые, по всей вероятности, предшествовали всем самым древним памятникам мира, даже пирамидам, обелискам, мумиям, иероглифам и монетам, и способны поведать больше о естественной истории, чем все они вместе взятые — об истории человеческой³.

Раковины как памятники более древние, чем пирамиды, и более надежные как историческое свидетельство — превосходство, подразумевающее смежность двух историй, естественной и социальной, в той мере, в какой они разделяют общий набор когнитивных практик, разработанных собирателями древностей. Эту мысль можно проиллюстрировать хорошо известным примером. Джон Вудвард, грешамский профессор физики,

¹ Buffon G.-L. L., 'Des époques de la Nature', Buffon G.-L. L., *Histoire naturelle, générale et particulière: Supplément*. Paris: Chez Deterville, 1778, t. 5, p. 1. Довольно пренебрежительное суждение о Бюффоне можно найти у Кювье в его "Éloge de Daubenton" («Похвала де Добантону», ср.: Cuvier G., *Recueil des éloges historiques lus dans les séances publiques de l'Institut Royal de France*. Strasbourg: De l'Institut Royal de France, 1819, t. 1, p. 68 sgg.).

² Hooke R., 'Lectures and Discourses of Earthquakes, and Subterraneous Eruptions', Hooke R., *The Posthumous Works*. London: R. Waller, 1705, ch. 5, pp. 279–450; с предисловием Р. С. Вестфала: New York: Johnson Reprint Corp., 1969, p. 321. Ср.: Drake E. T., 'Hooke's Ideas of the Terracqueous Globe and a Theory of Evolution', Cooper M., Hunter M. (eds.), *Robert Hooke: Tercentennial Studies*. Aldershot: Routledge, 2006, pp. 135–149; Drake E. T., *Restless Genius: Robert Hooke and His Earthly Thoughts*. New York: Oxford University Press, 1996.

³ Hooke R., 'Lectures and Discourses of Earthquakes, and Subterraneous Eruptions', p. 335.

автор «Очерков по естественной истории Земли и земных тел, в особенности минералов», впервые опубликованных в 1695 г. и с тех пор много раз переиздававшихся¹, использовал раковины и окаменелости как свидетельства о далеком прошлом для подтверждения истинности рассказа Моисея о Великом Потопе и отвергал мысль, что эти раковины — просто *lusus naturae*, случайный каприз природы. (Вудварда обвиняли в плагиате из труда неаполитанского художника Агостино Сцилла «Пустые рассуждения, опровергнутые чувствами», опубликованного в 1680 г.²) Однако Вудварт много писал и на другие темы, например о подлинности римского щита из своей коллекции (сегодня этот щит выставлен в Британском музее; считается, что он изготовлен во Франции в эпоху Возрождения).

6. Этот пример подробно разобрал Джозеф М. Левин в монографии «Щит доктора Вудварда» (1977), но, насколько мне известно, никто, включая Левина, не исследовал в рамках «антикварианизма» значение непростых связей между медалями и раковинами, т.е. социальной и естественной историей, которые так ярко иллюстрируются примером Джона Вудварда. Этот тезис имеет далеко идущие историографические последствия. Арналдо Момильяно в своем замечательном эссе «Ancient History and the Antiquarian» («Древняя история и собиратель древностей», 1950), спасшем от забвения опороченную традицию, упоминает астронома Франческо Бьянчини и врача Жака Спона и замечает, что они «привнесли нечто от научного метода прямого наблюдения в исторические исследования». Но в аргументации Момильяно нет ни окаменелостей, ни геологии³. Это умолчание выглядит странно в свете близких, нерасторжимых отношений между собирательством древностей и естественной историей. Я могу предварительно объяснить это тем влиянием, которое оказало на Момильяно эссе Бенедетто Кроче «La natura come storia senza storia da noi scritta, Storia e preistoria» («Природа как история без писанной нами истории: история и предыстория»). На этих насыщенных, напористых страницах, напечатанных в 1939 г., Кроче разорвал какие бы то

¹ Woodward J., *An Essay towards a Natural History of the Earth, and Terrestrial Bodies, Especially Minerals*. Я пользовался третьим изданием (London: A. Bettesworth and W. Taylor, 1723).

² Scilla A., *La vana speculazione disingannata dal senso*, a cura di M. Segala, con prefazione P. Rossi. Firenze: Giunti Ed., 1996. См. также: Rossi P., *I segni del tempo: Storia della terra e storia delle nazioni da Hooke a Vico*. Milano: Feltrinelli, 1979 (Rossi P., *Dark Abyss of Time: The History of Earth and the History of Nations from Hooke to Vico*, transl. by L. G. Cochrane. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1984), где автор парадоксальным образом игнорирует «антикварный» аспект этого спора (эссе Момильяно даже не упомянуто в библиографии).

³ Momigliano A., 'Ancient History and the Antiquarian', Momigliano A., *Contributo alla storia degli studi classici*. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1979, p. 85.

ни было связи между социальной и естественной историей, противопоставив “bestioni” Вико и “le fantastiche origini animalesche e meccaniche dell’umanità” (воображаемое, животное и механическое, происхождение человечества) — самоочевидная, ироническая аллюзия к Дарвину¹.

7. В широкой научной дискуссии об «антикварианизме», выросшей из эссе Момigliано, связь естественной истории и социальной истории не принималась во внимание — за единственным исключением: те страницы книги Питера Миллера «История и ее объекты: антикварианизм и материальная культура после 1500 года», которые посвящены изданной посмертно «Протогее» Лейбница (1749)². Название принадлежало Лейбницу, но издатель Кристиан Людвиг Шайд добавил длинный и красноречивый подзаголовок: “Protogaea, sive de prima facie telluris seu antiquissimae historiae vestigiis in ipsis naturae monumentis dissertatio” («Протогея, то есть диссертация о раннем состоянии Земли, как и о следах древнейшей истории, обнаруживаемых в самих природных памятниках»). В пространном предисловии Шайд, сам юрист, задает риторический вопрос: не следует ли распространить достоверность (*fides*), которую историки древности с полным основанием приписывают картинам, монетам и скульптурам, и на раковины и особенно окаменелых рыб, собранных в музеях?³

Шайд отсылал к *Wunderkammern* (хранилищам удивительных вещей): физическому воплощению широко понимаемого антикварианизма, за которое я выступаю. Момigliано видел эту связь, хотя и не раскрыл ее. Он писал:

*Собирателъ древностей был знатоком и энтузиастом; его мир был статичен, его идеалом была коллекция*⁴.

8. К знатоку я еще вернусь. Что до коллекции, я снова обращусь к сочинению Джона Вудварда, короткому трактату, озаглавлен-

¹ Croce B., ‘La natura come storia senza storia da noi scritta: Storia e preistoria’, *La Critica*, 1939, vol. 37, pp. 141–147. Ср.: Ambasciano L., ‘Tempi profondi. Geomitologia, storia della natura e studio della religione’, *Studi e Materiali di Storia delle Religioni*, 2013, vol. 79, no. 1, pp. 152–214.

² Miller P. N., *History and Its Objects: Antiquarianism and Material Culture since 1500*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2017, pp. 68–72. Это обстоятельство не упоминается в: Miller P. N., *Momigliano and Antiquarianism: Foundations of the Modern Cultural Sciences*. Toronto: University of Toronto Press, 2007.

³ *Summi polyhistoris Godefridi Guilielmi Leibnitii Protogaea... dissertatio ex schedis manuscriptis viri illustris in lucem edita a Christiano Ludovico Scheidio*. Gottingae, 1749, pp. XII–XIII: “Quod si igitur picturis, nummis, sculpturis, in historia antiqua fides aliqua nec sine ratione habetur, quo, quaeso, pacto copiosam illam merito primum supellectilem concharum, choclearum et quibus merito primum locum tribuimus, lapidum tot diversis piscibus marinis signatorum, quam in Musaeis collectam deprehendimus <...> omni sua fide privare volumus?”

⁴ Momigliano A., ‘Ancient History and the Antiquarian’, Momigliano A., *Contributo alla storia degli studi classici*. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1979, pp. 67–106, esp. p. 100.

ному «Краткое руководство к ведению наблюдений во всех частях света, а также к собиранию, сохранению и отправке природных предметов, или Попытка устроить университетскую корреспонденцию ради развития знаний естественных и социальных» (1696)¹. Это руководство, включавшее практические советы по конструированию подходящих инструментов, было адресовано морякам и путешественникам. Им рекомендовалось, с одной стороны, тщательно записывать широту, погоду, приливы и отливы; с другой — собирать раковины, кораллы, разнообразные минералы, растения и животных — и многое другое. В приложении, «относившемся до аборигенов Гвинеи, Мономотапы и других еще менее известных частей Африки, Ост- и Вест-Индий, Татарии, Гренландии и иных удаленных и нецивилизованных, или языческих, стран»², путешественникам рекомендовалось брать на заметку «черты, формы и пропорции, нравы, таланты, склонности, добродетели и пороки» местных жителей, а также «выяснять их предания о творении мира, о Всемирном потопе, о народе, от которого они произошли, и о землях, откуда он изначально происходят». Расспрашивать «об их понятиях о Верховном Божестве, ангелах или иных более мелких хозяевах; <...> об их обычаях и правилах при рождении детей и в образовании юношества, об их свадебных церемониях и похоронах, а также сжигают ли они своих мертвых или хоронят в землю». Также «записывать их законы и формы управления, их язык, их знания и их письмо» и т.д. и т.п. «Короче говоря, — заключает Вудвард, — выспрашивать обо всех их обычаях и правилах, религиозных, светских и воинских».

Это приложение сегодня выглядит как полноценная программа антропологических исследований, сформулированная в рамках британской колониальной экспансии. Но, чтобы избежать анахронизмов, мы должны также указать, что руководство Вудварда было, кроме того, частью собирательского, «антикварианистского» проекта, покрывавшего как естественную, так и социальную историю, и что последняя включала и историю «нецивилизованных» народов. У «антикварианизма» много ответвлений, и антропология была одним из них³.

9. Кювье был немного знаком с английским языком, но, скорее всего, читал Вудварда во французском переводе “Géographie

¹ John Woodward's *Brief Instructions for Making Observations in All Parts of the World* (1696, анастатическое издание с предисловием В. А. Эйлеца: London: Society for the Bibliography of Natural History, 1973). Ср.: Levine J. M. *Dr. Woodward's Shield: History, Science, and Satire in Augustan England*. Berkeley: University of California Press, 1977, pp. 33–34 (упоминание Бэкона).

² John Woodward's *Brief Instructions*, pp. 8–10.

³ См. сноску 2 на странице 26.

Physique, ou Essay sur l'histoire naturelle de la terre" (1735)¹. Можно себе представить реакцию Кювье на пассаж вроде следующего, где Вудвард пишет о последствиях Всемирного потопа (прочитую сначала по-английски, а затем во французском переводе, который читал Кювье):

Здесь мы видим величайший переворот, к тому же сопровождаемый событиями страннейшими и удивительными: самая зловещая катастрофа, какую когда-либо видела природа².

Tout cela montre qu'il y eut une terrible révolution, suivie de plusieurs accidens fort étranges, & de la plus funeste catastrophe que la nature eût jamais vû³.

Как я уже говорил, Вудвард связывал «величайший переворот <...> самую страшную и зловещую катастрофу, какую когда-либо видела природа» с потопом, подчеркивая истинность Моисеева рассказа. Но слово *когда-либо*, переданное по-французски как *jamais* 'никогда', открыло путь к тому, что получило название «компромисс Кювье». Кювье не отвергал открыто библейский рассказ, но молчаливо выхолащивал уникальность Всемирного потопа, умножая его. Предыстория, утверждал Кювье, раздроблена долгой серией переворотов. Понятно, что для человека его поколения (родился в 1769 г., умер в 1832 г.) слово «переворот» (*révolution*) мгновенно связывало социальную и естественную историю. Но его самоопределение как «новая порода собирателя древности» вводило важное различие между ними:

Рассмотрим теперь, что сегодня происходит на Земле; посмотрим на причины, которые все еще действуют на ее поверхности и определяют возможные масштабы событий. Эта часть [естественной] истории Земли все еще тем более важна, что до сих пор считалось возможным объяснить прошлые перевороты [révolutions] современными причинами, подобно тому как прошлые события политической истории можно легко объяснить, если хорошо знать страсти и интриги нашего времени. Но мы, к несчастью, увидим, что в естественной истории это не так. Последовательность действий разорвана; природа поменяла

¹ Cp.: Woodward J., *Specimen Geographiae Physicae quo agitur de terra, et corporibus terrestribus speciatim mineralibus, nec non mari, fluminibus et fontibus, accedit Diluvii universalis effectuumque ejus in terra descriptio*. Tiguri: J. J. Scheuchzer, 1704; Woodward J., *Géographie Physique, ou Essay sur l'histoire naturelle de la terre*, traduit de l'Anglois par M. Noguez, docteur en médecine, avec la réponse aux observations de M. le docteur Camerarius. Paris: Briasson, 1735. См. также: *Mémoires sur le Baron Georges Cuvier*, publiées en anglais par Mistress Lee et en français par M. Théodore Lacordaire. Paris: H. Fournier, 1833, p. 283. (Кювье не говорил по-английски, но мог читать.)

² Woodward J., *Essay towards a Natural History of the Earth and Terrestrial Bodies, especially Minerals*. 3rd ed. London: A. Bettesworth and W. Taylor, 1723, p. 93.

³ Woodward J., *Géographie Physique, ou Essay sur l'histoire naturelle de la terre*, pp. 49–50.

направление движения, и никакие из тех сил, что она использует сегодня, не могли бы породить те же результаты, что в прошлом¹.

Для Кювье «катастрофизм», т.е. множественность переворотов и отрицание эволюции (которую отстаивал, в частности, его современник Ламарк), — это две стороны одного и того же подхода. Отвергая неясные сопоставления окаменелостей и живых существ, Кювье говорил:

К счастью, сравнительная анатомия имеет принципы, которые, если их полноценно развить, способны устранить эти препятствия. А именно — корреляция форм организмов, по которым можно немедленно опознать любой вид живого существа по любому его фрагменту или части. Любое живое существо составляет целое, уникальную и замкнутую систему, в которой все части взаимно соответствуют и взаимодействуют, порождая определенные действия с помощью реципрокальных реакций².

Подводя итоги: то, что позволяло Кювье связать отдельную кость со всем организмом с надежностью «большей, чем Задиговы следы», — это статическая морфология. Добавим: статическая, синхронная морфология. Слово «синхронная» немедленно заставляет вспомнить труды Фердинанда де Соссюра.

10. На «удивительную аналогию» между подходами Кювье и Соссюра к, соответственно, палеонтологии и лингвистике указал лингвист Ги Жюкуа. Жюкуа писал, что в интеллектуальном окружении Соссюра, в которое входили многие известные натуралисты, о Кювье знали³. Но это же можно показать и более убедительно, сославшись на Адольфа Пикте, женевского эрудита, очень близкого к семье Соссюра. И заглавие, и подзаголовок книги Пикте очень показательны: “Les origines indo-européennes ou les Aryas primitifs: Essai de paléontologie linguistique”

¹ Cuvier G., *Discours sur les révolutions de la surface du globe*, pp. 27–28: “le fil des opérations est rompu; la marche de la nature est changée; et aucun des agents qu’elle emploie aujourd’hui ne lui aurait suffi pour produire ses anciens ouvrages”. (Я пользовался переводом М. Дж. С. Рудвика: Rudwick M. J. S., *Georges Cuvier, Fossil Bones, and Geological Catastrophes: New Translations and Interpretations of Primary Texts*. Chicago: University of Chicago Press, 1997, p. 193).

² Rudwick M. J. S., *Ibid.*, p. 217.

³ Jucquois G., ‘L’imaginaire en linguistique’, Arbeitsmann Y. L. Bomhard A. R. (eds.), *Bono homini donum: Essays in Historical Linguistics in Memory of J. Alexander Kerns*. Amsterdam: John Benjamins, 1981, part 1, pp. 159–178, esp. p. 165. Важность Кювье для сравнительной лингвистики в общих чертах подчеркивается в: Lehmann W. P., *Theoretical Bases of Indo-European Linguistics*. London; New York: Routledge, 1993, p. 297. Но уже Кассирер (Cassirer E. A., ‘Structuralism in Modern Linguistics’, *Word*, 1945, vol. 1, no. 2, pp. 107–108) увидел в Кювье предчувствие лингвистического структурализма, процитировав фрагмент из А. Мейе, где о языке говорится как о системе, «в которой все связано» (см. об этом ниже).

(«Индоевропейские корни и примитивные арийцы: очерки лингвистической палеонтологии», 1859—1863)¹. От современников Пикте не укрылись отсылки к Кювье этой «лингвистической палеонтологии», где слова рассматривались как окаменелости, чтобы восстановить среду — природную, культурную и социальную, в которой жили и трудились изначальные индоевропейцы, или арийцы².

Соссюр, развившийся поразительно рано, прочел книгу Пикте, когда ему не было четырнадцати. Находясь под большим впечатлением от этой книги, мальчик написал эссе об индоевропейском вокализме, которое послал Пикте. Позднее Соссюр назвал эти ранние опыты «детскими» (*un enfantillage*). Однако три статьи, посвященные второму изданию книги Пикте, которые Соссюр напечатал в “*Journal de Genève*” в 1878 г. (ему было 23 года) заслуживают того, чтобы относиться к ним серьезно. Исследователи творчества Соссюра обычно проходят мимо них, возможно смущенные «проторасистской» аурой, окружающей фигуру Пикте. Понятно ведь, что в XIX в. слово «раса» (*race*) имело множество значений, что показывает, например, различие между «языковыми» и «антропологическими» расами у Эрнста Ренана. Но мысль об идентичности населения и языка — это ядро построений Пикте. В своих статьях Соссюр по-прежнему очень серьезно относился к этой идентичности. Пусть и отвергая некоторые самые смелые гипотезы Пикте, Соссюр все еще говорил о *nos ancêtres les Aryens*, наших арийских предках. Опираясь на старую «антикварную» метафору, он указывал на возможность использовать «окаменевшие» слова как медали, как ключи к утраченной внешней реальности, тем самым присоединяясь к основной мысли построений Пикте.

В зрелые годы Соссюр отошел от этих идей, и прежде всего от сопоставления этнических и языковых явлений. Определяя

¹ См. о нем: Olender M., *Les langues du Paradis: Aryens et Sémites: Un couple providentiel*, préf. de J.-P. Vernant. Paris: Gallimard; Le Seuil, 1989, pp. 127—141. Список принадлежавших Соссюру книг, которые теперь хранятся в библиотеке Женевского университета, включает многочисленные работы Пикте, в том числе два издания “*Les origines*”, ср.: Gambarara D., ‘La bibliothèque de Ferdinand de Saussure’, *Bulletin du Musée d’Art et d’Histoire*, 1976, vol. 20, pp. 319—367, esp. p. 355.

² См. письмо зоолога Ж. Л. А. Катрфаж де Брео (J. L. A. Quatrefages de Bréau) к Пикте: “Je viens d’étudier votre magnifique ouvrage et ne saurais vous dire combien j’ai été frappé des résultats auxquels vous a conduit votre méthode d’analyse. C’est vraiment de la paléontologie et comme Cuvier l’avait fait pour les animaux, vous avez ressuscité cette société primitive de manière à ce que nous la connaissions mieux que bien des sociétés contemporaines” [Я только что проштудировал Вашу великолепную работу и не могу выразить, насколько я был поражен результатами, к которым привел Вас Ваш метод анализа. Это действительно палеонтология и, как это сделал Кювье для животных, Вы воскресили это первобытное общество так, что мы будем знать его лучше, чем многие современные общества] (Olender M., *Les langues du Paradis: Aryens et Sémites: Un couple providentiel*, préf. de J.-P. Vernant. Paris: Gallimard; Le Seuil, 1989, p. 134, note 17).

отношения между ними, он ввел в своем “Cours de linguistique générale” отстраняющий неологизм «этнизм», хотя “Cours”, начиная с идеи «произвольности знака», и посвящен языку и его сложнейшему устройству.

Эта история хорошо известна, однако в ней есть эпизод, который смущает многих исследователей творчества Соссюра. Я имею в виду черновик письма, написанный рукой Соссюра между ноябрем и декабрем 1894 г., в начале дела Дрейфуса, и адресованный Эдуарду Дрюмону, редактору антисемитского журнала “La libre parole”. Этот черновик (очевидно, само письмо так и не было опубликовано) написан в явно антисемитском духе: евреи в нем называются «паразитами» и «узурпаторами», с отсылками к некоему отрывку из популярной книги Дрюмона “La France juive” («Еврейская Франция», 1886).

Высказывалось предположение (без всяких на то оснований), что Соссюр написал этот черновик под диктовку своего отца (его отец был известным расистом). Можно предположить, что Фердинанд находился в то время все еще под влиянием Адольфа Пикте и был привержен идее «наших арийских предков». Четыре года спустя, в 1898 г., Соссюр заявил, что принадлежит к «преданным сторонникам Дрейфуса» (*Dreyfusiste convaincu*). Однако в этом антисемитском черновике содержится и некоторая информация — Соссюр был знаком с сочинением Дрюмона «Еврейская Франция», что может быть важно для истории лингвистики.

Было отмечено, что обычно приписываемое Соссюру высказывание о том, что язык есть система, в которой все связано, не обнаруживается ни в его опубликованных, ни в его рукописных трудах¹. На самом деле это неточное прочтение пассажа Антуана Мейе *phonétiques de chaque idiome forment un système où tout se tient* [фонетика каждого идиома образует систему, в которой все связано], который, скорее всего, повторял лекции своего учителя Соссюра, читанные в 1881–1891 гг.

В это время выражение *un système où tout se tient* [система, в которой все связано] было уже общим местом. Но может оказаться интересным, что мы находим его в двух книгах Эдуарда Дрюмона: “La fin d’un monde: Étude psychologique et sociale” («Конец света: психологические и социальные очерки», 1889) и “La dernière bataille: Nouvelle étude psychologique et sociale” («Последняя битва: новые психологические и социальные

¹ Ср.: Meillet A., ‘Les lois de langage. I’, *Revue internationale de sociologie*, 1893, vol. 1, p. 318. Выражаю признательность Ханку Скочу за это указание.

очерки», 1890). В обоих случаях контекст антисемитский, хотя вторая цитата уточняет первую:

евреи, выстроившие систему, в которой все связано [où tout se tient], опутавшую всю страну...

к сожалению для евреев, общество — это сложный организм, в котором все связано [où tout se tient].

Возможно, Соссюр заимствовал эту формулу, переплавив ее в совершенно иной — лингвистический — контекст. Однако за соссюровской приверженностью синхронии просматривается очень отдаленное эхо статической морфологии Кювье, прерываемой бесконечными «переворотами».

11. «Там, куда избегает ступить историк, дабы не нарушить подобающего хронологического порядка, охотно приходит антиквар. Классификация может обойтись без хронологии»¹. Перечитывая вновь эссе Момильяно «Древняя история и собиратель древностей», я опять обратил внимание на этот отрывок — по нескольким причинам. Прежде всего потому, что в нем используется настоящее время («приходит»). Если я не ошибаюсь, здесь Момильяно уже вводит идею неизменной ценности «антикварного» подхода, которую он в явном виде сформулирует только через несколько лет². Это замечание ретроспективно подтолкнуло меня к осознанию той траектории, которой я следовал в своей книге «Экстазы», чтобы обойти странную и соблазнительную аналогию между фриульскими *бенанданти* и сибирскими шаманами: «Классификация [т.е. морфология. — К.Г.] может обойтись без хронологии».

Но, как я уже сказал, я рассматривал морфологию как предварительную фазу своих исследований, в конечном счете — как инструмент историка. На это меня вдохновила иная модель: модель знатока и историка искусства и их взаимоотношений. Знаток (скажем, Джованни Морелли) видит морфологические сходства, ценные сами по себе, но могущие, кроме того, привести и к исторической реконструкции. В случае Роберто Лонги (редком, но далеко не уникальном) знаток и историк искусства соединяются в одном человеке, хотя Лонги и упорно

¹ Momigliano A., 'Ancient History and the Antiquarian', Momigliano A., *Contributo alla storia degli studi classici*. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1979, p. 311.

² В эссе 1950 г. антикварианизм был представлен как устаревший тип знания. Почти двадцать лет спустя Момильяно писал: "Perché i sociologi, come ho tante volte avvertito, non sono che gli antiquari armati di metodi moderni per combattere le follie giovanili o senili dello storicismo assoluto" [Потому что социологи, как я часто предупреждал, не кто иные, как торговцы антиквариатом, вооруженные современными методами борьбы с юношеским или старческим безумием абсолютного историзма] (Momigliano A., 'Prospettiva 1967 della storia greca', Momigliano A., *Quarto contributo alla storia degli studi classici e del mondo antico*. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1969, p. 51).

воздерживается от признания своего интеллектуального долга Морелли.

В моей книге «Экстазы», в разделе, озаглавленном «Евразийские схождения», я попытался перевести реконструированные мною морфологические конфигурации в исторические последовательности. Но лишь недавно я обнаружил, что путь от палеонтологии к знаточеству был уже проделан замечательным человеком — Франсуа-Ксавье Буртенем (1743–1818)¹. Врач по профессии, Буртен увлекся изучением окаменелостей. В эссе “*Sur les révolutions et l’âge du globe terrestre*” («О переворотах и возрасте земного шара», 1790) он утверждал, что поверхность земного шара была изменена «всеобщим переворотом», более древним и разрушительным, чем Ноев потоп, а затем многими последующими переворотами². Кювье несомненно читал эту работу, как и роскошно иллюстрированный фолиант, в котором Буртен несколько лет спустя (в 1784 г.) дал аналитическое описание окаменелостей, обнаруженных в окрестностях Брюсселя³. Отталкиваясь от аналогии между некоторыми из этих окаменелостей и скелетами животных, живущих в жарком климате, Буртен утверждал, что в далеком прошлом произошли кардинальные климатические изменения и поэтому нынешний земной шар не может быть похож на тот, который возник после Потопа⁴. Опасения, что можно оскорбить религию, задавая вопросы природе, Буртен отметал как смехотворные⁵. Отказываясь от жестких классификаций, Буртен

¹ Cp.: Goethals F. V., *Lectures relatives à l’histoire des sciences, des arts, de lettres, de mœurs, et de la politique en Belgique et dans les pays limitrophes*. Bruzelles: Bibliothèque Publique, 1837, vol. 1, pp. 274–280 (на этот текст опирается статья П.-Ж. Ван Бенедена: Van Beneden P.-J., ‘Burtin, (François-Xavier)’, *Biographie Nationale du Belgique*, 1872, vol. 3, pp. 170–176); Callat F. de, ‘La vie rocambolesque et le cabinet d’étude de François-Xavier Burtin (1743–1818)’, *La vie des Musées*, 2006, vol. 20, pp. 87–93. О биографии Буртена см. также: *Lettre de M. le Curé de * à F. X. Burtin, s. l. n. d.* (BNF: M 32178); *Réponse de Messire François Xavier Burtin à la lettre pastorale du curé de ****, Burtinopolis, 1787 (сатира, за которой следует рукописный текст сходного содержания; самого текста я не видел; BNF: M 32179).

² Burtin F.-X., ‘Réponse à la question de physique proposée par la Société de Teyler, sur les révolutions générales, qu’a subies la surface de la terre, et sur l’ancienneté de notre globe’, *Verhandeligen, uitgegeeven door Teyler’s tweede genootschap*. Haarlem, 1790, vol. 8, pp. 3–242 (далее следует перевод на голландский). А. Тома во введении к Cuvier G., *Discours sur les révolutions de la surface du globe, et sur les changemens qu’elles ont produits dans le règne animal*. Paris; Amsterdam: Chez G. Dufour; E. D’Ocagne, 1825, p. 11 (благодарю Мартина Рюффа за то, что он обратил мое внимание на эту книгу) говорил об “ouvrage aujourd’hui méconnu” [неизвестном сегодня труде]. См.: Rudwick M. J. S., *Bursting the Limits of Time: The Reconstruction of Geohistory in the Age of Revolution*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2005, pp. 194–203.

³ Burtin F. X., *Oryctographie de Bruxelles ou description des fossiles tant naturels qu’accidentels découverts jusqu’à ce jour dans les environs de cette ville*. Bruxelles: Imprimerie de la Maire, 1784.

⁴ Это утверждение было повторено Ж. К. Деламетери (J. C. Delamétherie), коллегой Кювье, со ссылкой на Буртена (*Leçons de géologie données au Collège de France*, Paris: Veuve Courcier, 1816, vol. 3, p. 285).

⁵ Burtin F. X., *Oryctographie*, p. 69. «В вопросах религии он исповедовал крайний, абсолютный скептицизм», — утверждается в откровенно недоброжелательном портрете, нарисованном Ф.-В. Гёталом (Goethals F. V., *Lectures relatives à l’histoire des sciences, des arts, de lettres, de mœurs*,

писал: «[В] природе все связано: ее живопись полна нюансов и оттенков, жестких переходов нет нигде»¹.

Эти слова раскрывают еще одну страсть Буртена — живопись. Собирателем и знатоком, он опубликовал “*Traité théorique et pratique des connoissances qui sont nécessaires à tout Amateur des Tableaux*” («Теоретический и практический трактат знаний, необходимых всем любителям картин», 1808), переведенный в сокращении на английский под названием «Трактат знаний, полезных любителям картин» (1845)². В этом двухтомнике, частично посвященном его собственной коллекции, Буртен делится опытом, полученным в путешествиях по Европе и пропущенным через его обширные знания литературы об искусстве. Замечательная проницательность Буртена видна в его рассуждениях о «разной манере художников»³. Слово «манера», писал он,

включает то, что называют его стилем и рукой; то есть идеальную часть и механическую часть <...> Механическая часть в особенности становится у художника, как и у писателя, самым надежным способом узнать автора, наименее подверженным ошибке. Ибо хотя оба могут менять по желанию природу своего предмета, один не может так же своевольно поменять свой стиль, свою орфографию и особенно свой почерк; так и другой не может поменять ни свой цвет, ни свое импасто, ни свой мазок. В обоих случаях это результат привычки, от которой мы неспособны отойти по собственной прихоти»⁴.

et de la politique en Belgique et dans les pays limitrophes. Bruxelles: Bibliothèque Publique, 1837, vol. 1, p. 278).

- ¹ “Tout est lié dans la nature; en ses tableaux tout est nuance, tout est fondu, rien n’est tranchant” (Burtin F. X., *Oryctographie*, p. 63).
- ² Burtin F.-X. de, *Traité théorique et pratique des connoissances qui sont nécessaires à tout Amateur des Tableaux, et à tout ceux qui veulent apprendre à juger, apprécier et conserver les productions de la peinture*, 2 vols. Bruxelles: De l’Imprimerie de Weissenbruch, 1808; сокращенный английский перевод: Burtin F.-X. de, *Treatise on the Knowledge Necessary to Amateurs in Pictures*, transl. and abridged from French, by R. White. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1845. См.: Kase O., *Mit Worten sehen lernen: Bildbeschreibung im 18. Jahrhundert*. Petersberg: Michael Imhof Verlag, 2010, SS. 266–270; трактат Буртена был урезан Фиориццо: *Göttingische Gelehrte Anzeigen*, 1809, Bd. 19, SS. 177–184; Bd. 20, SS. 185–194. См. также: Walz A., ‘Das Zeitalter des aufgeklärten Absolutismus (1735–1806)’, Luckhardt J. (Her.), *Das Herzog Anton Ulrich-Museum und seine Sammlungen, 1578–1754–2004*. München: Hirmer; Auflage, 2004, SS. 163–165. О Буртене я планирую написать отдельно.
- ³ Burtin F.-X. de, *Traité*, ch. 11: ‘Des différentes *Manières* des *Maîtres*’, vol. 1, p. 266; и в целом см. там же: pp. 265–274. См.: Burtin F.-X. de, *Treatise*, p. 168 ff. Эти страницы вновь открывают важность «Трактата» Буртена и пока не привлекли внимание ученых.
- ⁴ “[La manière] renferme donc ce qu’on appelle son style et son faire : c’est-à-dire, la partie idéale et la partie mécanique <...> La partie mécanique sur-tout devient, chez l’écrivain ainsi que chez le peintre, le moyen de reconnaissance le plus constant et le moins sujet à erreur. Car, quoique tous deux puissent varier à leur gré le genre des sujets qu’ils entreprennent, si leur génie et leur talent le permettent, ils ne peuvent pas de même varier, l’un son style, son orthographe et sur-tout son écriture, l’autre son coloris, son empâtement et sa touche, qui chez tous deux sont le resultat de l’habitude, dont on se

Буртен несомненно был знаком с письмом Луиджи Креспи, художника и историка искусств XVIII в., адресованным мон-синьору Боттари и перепечатанным в “*Raccolta di lettere sulla pittura scultura e architettura*” («Собрание писем о живописи, скульптуре и архитектуре»), изданном последним (1754–1773). Креспи писал, что хороший копиист сумеет передать *идею*, аранжировку картины,

иначе говоря <...> все, что мы называем композицией; но он никогда не сможет повторить автора, не выдав себя в каких-то элементах, прежде всего в тех, которые обычно выполняются не думая, таких как грунт, фон и подобных¹.

Это письмо Луиджи Креспи считается зерном того метода, который был разработан больше ста лет спустя Джованни Морелли². Но связи, соединяющей Креспи и Морелли, недостает звена, до сей поры игнорировавшегося. Морелли, прежде чем стать собирателем и знатоком, изучал в юности анатомию по работам Кювье и фактически процитировал «Трактат» Буртена, не упоминая его:

[П]очти у любого художника есть манера, каковая есть результат привычки, которую он демонстрирует, не будучи способен ее контролировать [quasi ogni pittore ha certe maniere abituali ch'egli mette in mostra e che gli sfuggono senza che egli se ne accorga]³.

«Механическая», неосознанная манера, которую Буртен называл «самым надежным способом узнать автора, наименее подверженным ошибке», открывает линию, ведущую к мочкам ушей и ногтям Морелли.

défait pas quand on veut” (Burtin F.-X. de, *Traité*, vol. 1, p. 265–266). О параллелях между писателем и художником см. также главу 5 “*Manière de remnoître et d’apprécier les Copies*” («Способ опознавать и оценивать копии»), pp. 100–114, esp. pp. 113–114.

¹ ‘Luigi Crespi a Giovanni Gaetano Bottari’, Bottari G. G., Ticozzi S., *Raccolta di lettere sulla pittura, scultura ed architettura scritte da’ più celebri personaggi dei secoli XV, XVI, e XVII*. Milano: G. Silvestri, 1822, vol. 4, pp. 382–385, lettera CLXII (письмо датировано: Болонья, 25 сентября 1751 г.) — в связи с произведением Пальмы Старшего. Боттари упомянут Буртеном в «Трактате» (*Traité*, vol. 2, p. 159).

² См.: Anderson J., ‘Connoisseurship’, *The Dictionary of Art*. London: Macmillan, 1996, vol. 7, pp. 714–715.

³ См.: Morelli G., *Della pittura italiana: studii storico-critici: le Gallerie Borghese e Doria-Pamphili in Roma*, a cura di J. Anderson. Milano: Adelphi, 1991, p. 87. Этот пассаж цитирует Дж. Андерсон (J. Anderson, *I taccuini manoscritti di Giovanni Morelli*, Milano, 2000, p. 29), отмечая, что метод Морелли получил «современную карикатурную интерпретацию» во фрейдистском духе у Эдгара Винда (ему и посвящена эта статья), который поставил в центр его маргинальные элементы. Другое (и гораздо более убедительное) суждение этого же автора см. в ее статье ‘Connoisseurship’ (упомянута выше), где сказано, что метод Морелли, «восходящий к французскому сравнительному анатому Жоржу Кювье и немецкой натурфилософии в варианте Гёте и Фридриха Шеллинга», был «предвосхищен» в письме Луиджи Креспи к Боттари. Эти страницы должны среди прочего исправить отсутствие упоминаний Кювье в моем описании метода Морелли («Уликовая парадигма и ее корни»), на которое справедливо указала Дж. Андерсон; ср.: Morelli G., *Della pittura italiana*, pp. 504–505.

12. В этих ретроспективных размышлениях я постоянно упоминал то, чего не знал и о чем не подозревал прежде. Мне не были известны ни имя Франсуа-Ксавье Буртена, ни его труды. Мое знание работ Кювье было совершенно недостаточным. Они оба (и вместе с ними многие другие) невольно направляли — через множество посредников — мои исследования. Это, конечно, банально. Но исследования воспроизводят в сокращенном и упрощенном виде, как в эксперименте, опыт, разделяемый всеми: они вводят в мир, в основном нам неизвестный, который мы не выбирали и в котором *действовать* означает также (не скажу прежде всего) *подвергаться* действию.

Пер. с англ. Николая Вахтина

©Информационная группа Европейского университета
в Санкт-Петербурге